

Девальвация элит

Руководитель Центра социального проектирования «Платформа» Алексей Фирсов ведет работу над своей книгой «Тавро и хлыст», посвященную различным формам контроля за массовым сознанием. «Актуальные комментарии» продолжают серию публикаций автора с выдержками из этой книги.

Алексей Фирсов

Люди идут по коридору, который очерчен социальными маяками: ориентирами престижа, удовольствия, успеха. Они думают, что идут к целям, потому что сделали свой выбор, хотя находятся внутри сконструированного мира и сами являются конструкцией собственного целеполагания. Об этом говорилось в предыдущем разделе.

А кто описывает и предлагает цели? Допустим – элиты. Это допущение крайне ограниченное, но оно вводит важный операционный термин. Малопонятный пока термин. Как будто элиты – некие боги, которые парят над обществом. На самом деле, интеллектуальная, эстетическая и моральная дистанция между элитой и человеком повседневности может быть минимальной или вообще отсутствовать. Глубинные интервью с теми, кого принято причислять к элите, довольно часто обнаруживают обыденный разум, оперирующий стандартной картиной мира и разделяющий стандартные стереотипы.

Если, к примеру, анонимизировать интервью представителя элиты из управленческой сферы (убрать имя спикера и возможность его быстрой идентификации), то мы увидим, что в основном имеем

дело с вполне шаблонными суждениями, в которых нет глубины и стиля. Внимание к данным медийным продуктам определяется статусом спикера – не тем, что говорится, а тем, кто говорит. Без этого дополнения, как правило, мы сталкиваемся с набором банальностей, хотя это правило не отменяет ярких исключений. Происходит явная потеря содержания, тексты перестают нести уникальные смыслы.

«Элита» есть пример слипшегося понятия (то есть понятия, в котором из-за формального сходства объединены противоположные смыслы). Можно выделить два типа общностей, которые скрыты за этим словом. Один тип элиты – ресурсный. Он определяется объемом управленческих возможностей и активов, дополненным в ряде случаев масштабом личного потребления. Второй тип – символический. Он задает нормы, стили, подходы. Формирует стандарт. Проблема российского способа описания иерархий – в смешении этих понятий. Один из комичных случаев – отпускание термина на субрегиональный уровень, чуть ли не до масштаба малых поселений, где уже нет ни значимого символизма, ни серьезных ресурсов. Появляются районные элиты, не исключены деревенские. Неустойчивость термина отражена смешением в бытовом языке понятий элитный и элитарный.

Однако неразбериха царит и на верхних этажах. В России есть явный дефицит элиты символического типа. Социологически мы не можем «схватить» этот тип и описать его на уровне устойчивой группы. Конечно, есть отдельные личности, которые совершают поступки, вызывающие массовое общественное одобрение или почитание отдельных рафинированных слоев (например, научная элита). Но, во-первых, одобрение не означает подражания, а во-вторых, этот круг никак не стратифицирован и не объединен в сети взаимодействий. Поэтому понимание термина оказывается резко скошенным в ресурсную сторону. Что, кстати, объясняет массу порой комичных, порой трагикомичных историй, связанных с фатальным непониманием русских на Западе – через нестыковки символической и ресурсной иерархии.

При этом пустое пространство смысла требует хотя бы имитационного наполнения. Ресурсный тип начинает мимикрировать под символический, наделять себя компетенцией задавать норму. Происходит это несколькими способами. Во-первых, через пафос и риторику: взятие на себя огромных, но отдаленных обязательств, или подчеркнутое почтение к публичным святыням, или как-то еще. Во-вторых, через придание самому факту обладания ресурсами символической добродетели, когда обладание ресурсами переводит владельца в отдельный этический регистр, освобождая от ряда условностей. У значительной части населения такая ситуация раздражения не вызывает: отчасти она представляется кинематографичной, за ней наблюдают, как за авантюрной комедией или яркой мелодрамой, отчасти – служит примером для бытового копирования.

Социологам хорошо известны факты, когда сотрудники искренне убеждены в высоких моральных качествах своих руководителей, даже если те оказываются в крайне сложных этических ситуациях. Подчиненные склонны перенимать их логику и взгляды на жизнь, а также ретушировать негативные моменты. Такие особенности не являются просто игрой или карьерной тактикой. Отчасти здесь действует внутренний защитный механизм, делающий повседневное существование психологически комфортным. Но в значительной мере происходит средневековый жест передачи сюзерену своей ценностной картины мира. Таким образом, первое лицо получает вокруг себя пространство с полным отсутствием морального торможения, происходит очевидная гиперболизация личности.

Идентификация себя с элитой требует постоянного (само)подтверждения. Поэтому дворянин прошлого, как выразитель символического типа, мог спокойно и весело отправляться на войну с высокой вероятностью личной смерти, а современный ресурсный типаж должен вести свою войну – непрерывную схватку за ресурсы. За ресурсы сражаются не потому, что их мало, а потому, что сам факт борьбы подтверждает статус принадлежности к элите. Ограничения для активной экспансии в современной России рождает в этих кругах депрессию, скрытые

невроты и срывы. В конечном счете, управлять целями обычных граждан проще, чем целями элит.

Алексей Фирсов, руководитель Центра социального проектирования «Платформа»

Источник: [«Актуальные комментарии»](#)